

К.И. Шилин, А.П. Ларина

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИВОГО ЗНАНИЯ

ЖИВОЕ ЗНАНИЕ

Часть I

ЖИВАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВОСТОКА

Том
23

Часть I

А. П. Ларина
Ким Иванович Шилин
Живое знание. Часть I.
Живая психология Востока
Серия «Энциклопедия
Живого знания», книга 23

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22083600

Живое знание. Часть I. Живая психология Востока: ПРОБЕЛ-2000;

Москва; 2010

ISBN 978-5-98604-229-9

Аннотация

Замысел работы – в том, чтобы построить нормативный прогноз выхода человечества из грядущей эко-катастрофы, приняв за «ячейку» Начало Восхождения от абстрактного (интуитивной психологии) к конкретному (Теории живой психологии творчества жизни) самую гениальную идею К. Маркса – понятие труда вообще как «выражения жизни и утверждения жизни» (/6/). В итоге – Стратегия выхода человека-мира на качественно новый уровень, или «Экософия Живой психологии Творчества». Исторически-эмпирическим ее основанием мы считаем реальную психологию культур

Востока, особенно Японии, по отношению к которым современная (западная) психология рассматривается нами как антитезис, подлежащий переосмыслению и переходу на уровень осознанного развития. Который совершается, в данном случае, при особой опоре на творчество С. Л. Рубинштейна и классическую культуру России в целом с ее своеобразной психологичностью. Не менее значимый смысл работы – в Возрождении подлинного Маркса, ибо его творчество, на наш взгляд, было системно недопонято и вульгаризировано. «Выправление» его открывает перед человечеством такие перспективы, которые совершенно не в состоянии увидеть ныне современные, формальные наука-философия-логика-психология западного генеза. «Изюминка» монографии – в выводе: эко-гармонизация-ревитализация структуры языка и организации психологического знания ведет к аналогичным процессам в системе самоорганизации личности-творчества-общества и в конечном итоге – к снятию угрозы полного эко-коллапса. Работа предлагается для использования в качестве учебного пособия при развитии творческих способностей докторантами-аспирантами-студентами всех специальностей, но прежде всего – художественно-гуманитарных, особенно – востоковедных.

Содержание

Живая психология человекотворчества	6
Восточная: детская и женская психологии творчества	10
Г а. Тайны японской детски-женской психологии творчества	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

К. И. Шилин, А. П. Ларина
Живое знание. Часть 1.
Живая психология Востока

© Шилин К. И., 2010

* * *

Живая психология человекотворчества

Имена Карла Маркса и Сергея Леонидовича Рубинштейна в российской **психологии** менее известны, чем имя А. Н. Леонтьева. Хотя на Маркса ссылаются и Рубинштейн, и оба Леонтьева (отец и сын), пусть и не всегда прямо. Однако резко возрастающая в своей актуальности экологическая проблематика меняет, на наш взгляд, соотношение их концепций и выдвигает на первый план концепции Маркса и Рубинштейна в силу их экофильности. И по отношению к Марксу-Рубинштейну концепция Леонтьева обнаруживает потенции своего дальнейшего развития (при снятии ее эконофобности, экологической ограниченности) и в качестве частного момента она все же может и должна быть сохранена. Близость концепций Маркса и Рубинштейна видна уже в следующем: «В своих рукописях 1916–1923 гг. Рубинштейн намечает и все более четко разрабатывает как бы «третий путь» в философии – третий по отношению и к материализму, и к идеализму. Но в 20–50 гг. он мог называть его только диалектическим материализмом или материалистической диалектикой», – считают К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский. (/14/, с. 645). Эко-проблематика фундаментализирует это направление творческо-

го поиска Рубинштейна. «Ключевым» подходом к экософскому осмыслению концепций К. Маркса и С. Л. Рубинштейна, а вместе с тем и решением всего комплекса эко-проблем, – являются понятия труда вообще и **межличностного общения**. Между ними видна весьма фундаментальная эко-структурная, логическая связь: межличностное общение является продолжением и развитием общения между человеком и природой, или эко-общения. В существующей мировой литературе максимально адекватным определением понятия эко-общения является практически неизвестное (не только в экономической, но и в психологической литературе) определение К. Марксом труда вообще. Это начало человека вообще и его психологии. Этот подход позволяет наметить потенцию взаимодополняемости: Детски-Женского, исполнительски-творческого потенциала культуры-психологии Японии (и Востока вообще) и Интеллигентно-Мужского, «прорывного» – России.

Их **вариативный** эко-гармоничный синтез-без-слияния дает феноменальное повышение творческих потенциалов обеих наших культур-стран. На основе такого подхода выявляются исторические-логические и особенно экологические ограничения и в то же время – качественно новые перспективы *научной, предметно-деятельной, формальной психологии Запада, переосмысливаемой нами как выражающей агрессивно-потребительский интеллект молодого мужчины (типа Александра Македонского)*. Это предполагает сня-

тие его претензий *на изначальность-всеобщность-перспективность* в силу недооценки-недоразвития ею остальных психологических типов творческих потенциалов и полного игнорирования эко-биологического контекста психологии. По контрасту с **Живой** психологией назовем ее *формальной, предметно-расчленяющей, запредельно аналитичной и столь же запредельно фетишизирующей мужской интеллект*. А вот культура-психология Японии – не только Живая, но еще и целостная, и синтезирующая, поэтому и в силу ее особенности – представляет фундаментальное основание для решения комплекса наших проблем, но – вместе с культурой-психологией **России**, берущейся в ее специфике, в ее качественном отличии от психологии и Востока, и Запада, но без противопоставления им. В целом данная работа представляет собою скорее Программу дальнейшего, уже **совместного развития психологии и востоковедения**. Такая Программа предполагает **доосмысление** психологической специфики культур Востока-России, но *переосмысление научной психологии Запада*.

Итак, совместное взаимоосмысление востоковедением и психологией кратко намеченного комплекса проблем позволяет надеяться на их успешное решение. Это должно привести к настоящему «прорыву» в развитии этих двух сфер культуры и выходу на качественно новый уровень в своем, уже совместном, соразвитии и взаиморазвитии. Тем более, что предлагаемая концепция покоится на еще более фун-

даментальном эко-синтезе **культур** Востока-Запада-России. Начнем, естественно, с исторически-логического, или всеобщего начала, но качественно иного и подлинно фундаментального, чем ныне бытующий.

Восточная: детская и женская психологии творчества

Таковым мы считаем **ТРУД ВООБЩЕ**, или абстракцию труда. Это категория, введенная К. Марксом в качестве «ячейки», «клеточки», **Начала действия метода восхождения от абстрактного к конкретному** – как Стратегии **теоретически-практического** выхода из той, эко-кризисной ситуации, которая едина для его, нашей и всех вообще эпох, включая все будущее. Она «есть не что иное, как абстракция, ...производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких либо обществ и, как **выражение жизни и утверждение жизни**, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение» (К. Маркс. «Капитал», т. 3, глава 48 «Триединая формула», 1. Выделено нами. К. Ш., А. Л.). (/6/).

Это определение труда вообще имеет фундаментально-осовопологающий смысл и для востоковедения, и для психологии. Так как культура Востока, будучи культурой вообще, и человек вообще – формы «**выражения жизни**».

ни». То это и делает их по своим истокам формами **Живого** знания, а в перспективе и средствами «**утверждения жизни**», **психологии человекотворчества и Востоко-творчества**. Наиболее очевидно определение их родства по **структуре**: она во всех случаях **бинарна, двойственна. Жизнь и человек. Вот непреходящие основы**, в том числе и экономики и политэкологии. И это достаточно определенно прослеживается в трудах Рубинштейна и при рассмотрении под этим углом зрения культур Востока-России. Но это и **естественно**: в рождении Жизни новой (и даже всего нового) участвуют **два Живых существа** (кит. *инь-ян*). Исторически эта основа **первична** по отношению к предметно-деятельностной форме труда и психологии. Этот тип общения характерен и ныне для Востока: его **психология нормальна**, но может быть существенно развита, ибо она – **Живая**, пусть даже предметом опосредствованная. Но этот (восточный) подход требует глубокого переосмысления **теории-философии-логики-методологии современной (рацио-формальной) психологии**. Но тогда Восток выглядит парадоксально и таинственно. Подчас это вполне реальные тайны.

I а. Тайны японской детски-женской психологии творчества

Первая и основная трудность в осмыслении Детской психологии – в том, что изначальное сознание на Востоке **Живое и нерасчленимое**. А Запад, начиная с античности, установил качественно иной способ: *предметно-расчленяющий, а потому – противоестественный способ структуризации логики-философии-знания, а вместе с ними и самой живой действительности (превращаемой в удобно манипулируемую и умерщвляемую)*. Спасает нас, человечество и биосферу, лишь то, что предметное расчленение характерно лишь миру *мужчин одного, агрессивно-потребительского типа*, но сохраняется остальным миром Детства-Женщин-Старших поколений, что составляет основу классических культур Востока. И в наиболее яркой и острой форме это глобальное противоречие присуще Японии, которая одновременно и бережно сохраняет свои, общевосточные традиции гармоничного общения-с-Природой, и интенсивно развивает и высокую технологию, подражая Западу и опережая во многом его.

Выход – в активизации развития интеллигентно-мужского творческого потенциала востока = славянофильно-экофильной ориентации, однотипной с экофильным Востоком, – при

одновременном отказе агрессивному Западу в запредельном доверии. Осмысливается жесткая необходимость и возникает реальный шанс решительного перелома в судьбах мира, поворота «колеса истории» на Гармонию-Добро-Мир и все прочие духовно-позитивные свойства и отношения. Одно из основных направлений – совместное развитие-преобразование психологии-востоковедения, а в их рамках – осмысленное развитие Живой **ДЕТСКИ-ЖЕНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА**.

Основное качество Детской психологии творчества – доверчивость: ребенок **творит себя по «лекалам» самой Природы и родителей, по их «образу и подобию»**. Этот принцип – основной для изначального типа культур даосизма-синтоизма-брахманизма и язычества вообще. Такое доверие к Природе сохраняется также искусством, художественной культурой творчества. Эта безграничная доверчивость пронизывает и современную культуру Японии в качестве ее непреходящего традиционного основания, **бережно сохраняемого японским языком**. Это свойство сохраняется и развивается японской, в основном **Женской** культурой Творчества.

Женская творческая индивидуальность исторически и логически является продолжением изначальной, природной творческой индивидуальности (Детей Природы), смысл которой состоял в осознании человеком себя как творения Бога и Божественной Природы: Земли и Неба, а в Японии – Бо-

гини Аматарасу. Исторически этот тип творчества действительно вышел из язычества – из его наиболее рафинированной формы – брахманизма. В Китае и Японии он получил распространение как развитие однотипного с ним даосизма и синтоизма, почти сливаясь с ними. В чем же различие? В чем именно буддизм как женский творческий потенциал развивает синто (даосизм и язычество в целом) с его высокой Детскостью?

Основанием этого процесса является само био-различие ребенка и матери, – которое ведет к различению двух разных, но не противоположных друг другу видов творчества, творческой индивидуальности. **Женщина**, посредством рождения ребенка, **творит жизнь новую**, и через эту новую жизнь (через ее появление и общение со своим чадом) – творит также и себя как особую творческую индивидуальность. А человек, становящийся творческой индивидуальностью, **творит себя**, и через себя – остальную жизнь.

Итак, человек как творение Природы **скорее берет у Природы и старших поколений во имя своего развития**, чем отдает, а **женщина** скорее «отдается» своему творению, передавая ему, своему творению все то, что ей дала Природа. Тем самым закладывается био-экологическая основа **эко-воспитания** как «стержня» всей системы подготовки к жизни следующих поколений. Именно поэтому обучение в японской культуре вторично и ориентировано скорее на прошлое, чем на настоящее и будущее. Дитя эколо-

гично по факту своего рождения. Женщина-Мать экологична по-иному: в соответствии с основной функцией **сотворения жизни, воспроизводства того, что ранее создавала сама Природа**. Этот факт **со-Творчества-с-Жизнью** и порождает основной принцип буддизма как сути психосоциокосма женщины, – **сострадание**, вплоть до полной самоотдачи, саморастворения в своем творении. Это и является реальным жизненным смыслом творчески-нравственного удовлетворения – **нирваны**. Творение человека идет в общем-то как индивидуальное общение, а женский тип творчества воспринимает общение как **сотворчество**, творческое, как минимум, трехстороннее общение. Это создает необходимость и в социальном общении (в масштабах общины буддистов, *сангхи* с особой формой межличностного общения).

Индивидуальное эко-общение перерастает в эко-социальное общение, что во многом и определяет специфику женского типа творчества и женской творческой индивидуальности, женского типа общения, характеристики которых развивает и японская лирика и вся японская традиция в целом. Поэтому свойства эко-общения являются важнейшими качествами женского творчества.

Это свойство японской культуры лучше всего проявляется при осмыслении особенностей японской лирики, к которым можно отнести следующие:

1) эко-общение прежде всего биологично, поскольку воспринимается как общение двух живых существ: человека и

иного живого существа (Природы в целом);

2) каждый акт эко-общения УНИКАЛЕН не в меньшей мере, чем уникально живое существо как его сторона, основание и источник;

3) эко-общение является взаимным общением по-разному активных сторон-систем, не ограничиваемое субъект-объектным отношением;

4) эко-общение всегда ВЗАИМНО – в любви, доброте, красоте, мудрости и других позитивных качествах.

5) как и сама жизнь, эко-общение имеет особую геометрию: его стороны несимметричны друг другу, будучи взаимным дополнением двух принципиально разных, но не враждебных друг другу сторон, составляющих специфическую бинарную систему, состоящую из автономных подсистем;

6) эко-общение постоянно в своем НЕПОСТОЯНСТВЕ как непостоянна сама Природа. Сколь бы ни был уникален каждый миг этого общения, само оно постоянно и неизменно. Оно пронизывает всю жизнь человека, особенно женщины.

Помимо поэзии очень близки к этому экофильному общению такие виды творчества, как икебана, живопись, театр, чайная церемония... Эти свойства эко-общения как целого, будучи по своему происхождению свойствами Природы, все же не сводятся только к ним. Помимо этого, имеются еще и специфические свойства эко-общения, которые не являются свойствами Природы, хотя и выводимы из нее. Япон-

ская лирика говорит, конечно, и о трехстороннем, и о многостороннем общении (Природа, друзья, родные и я), но никто (и ничто) **не противостоит** непосредственному общению-с-Природой. В японской культуре, в отличие от более привычной нам античной традиции, НИКАКОЙ предмет не «заслоняет» собой ни человека, ни Природу.

Женщина, конечно, «удваивает» себя в ребенке, не противопоставляя его ни себе, ни остальной Живой Природе. Японская традиция чужда предметному «утроению», «усложнению» и в итоге умерщвлению эко-общения, какое мы привыкли видеть в западной культуре, в т. ч. и психологии. В Японской лирике нет никакой вычурности, надуманности. У Кавабата Ясунари, к примеру, явно просматривается живая связь человека с живыми «предметами»: в них ощущается жизнь самого художника; «предмет» сливается с Природой:

Долгий вешний день! // Лодка с берегом неспешно //
Разговор ведёт.

(/33/, с. 197)

Передавая эти особенности японской культуры, мы замечаем, что основное свойство эко-общения – его непосредственность, неопосредованность предметным миром античеловечно-экофобной цивилизации как культуры потреби-

тельства. Мир Востока не противопоставляется человеком ни себе, ни Природе. Кавабата Ясунари метафорично выражает свое представление о единстве мироздания, указывая на то, что действительно лежит в его основе, как и в основе присущих его составляющим – макро=микро-косму – отношений:

“Если у вселенной одно сердце, // Значит, каждое сердце – вселенная.”

Речь здесь идет о **Женски-Материнском сердце – в первую очередь**. Это сердце не может делить свою любовь к Природе по частям. Вместе с тем «любовь к Природе всегда взаимна!» (/27/, с. 216).

Гармоничность эко-общения вытекает из поэтично-любовного восприятия Природы: Женщина, будучи подсистемой Природы, чувствует любовь ее к своим творениям. Она и сама наделена тем же отношением к жизни, что и вся Природа. Такая эко-гармония во всем ее многообразии пронизывает всю японскую культуру. Ее выявление и есть реальное развертывание основной аксиомы японской культуры. Как многообразна Природа, так многообразна и гармония с нею. Ярчайшим примером этого является **ЛЮБОВЬ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ и ЖЕНЩИНОЙ**. По словам Томиэ Оха-

ра, любовь эта всегда неповторима и складывается по-разному («на десять тысяч ладов» (/27/, с. 216)). И этот же принцип понимания разнообразия форм любви-гармонии свойствен и сфере эко-общения. Очевидно и то, что ПРЕВАЛИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В МУЖЧИНЕ как носителя синто-буддийской духовной традиции в Японии исключает эко-катастрофу в принципе. Но, вместе с тем, все-таки препятствует его общему творческому развитию. Поэтому-то актуализируется процесс удвоения Творчества Жизни; оно становится двойным: как совместное и взаимо-творчество. Это позволяет полнее-системнее развивать специфику каждого типа творческой личности, ныне как бы «размытых» по всему спектру личностного потенциального многообразия, или творчески-личностной «палитры» Женской японской культуры.

Излишняя «феминизация» детства (и детского начала в творчестве) ярко видна в следующей танке:

*Ах, если б этот мир похож был на цветок,
И каждую весну рождалось бы бывшее!
Но нет, увы... // Мир бренный не таков:
Что раз прошло, не возвратится боле.*

Неизвестный автор

Здесь видна особая фетишизация – приписывание Приро-

де своего отношения к ней. Повтор вызывает радость лишь в тех культурах, которые ориентированы на прошлое, но вызывают досаду, даже скуку и прочие негативные чувства у творческих индивидуальностей, ориентирующих себя на постоянную смену настроений, на непрерывный поиск нового в былом. Обусловлено это различие тем, что *лишь женщина* биологически ориентирована на постоянство *внутренних* изменений, стабильность в развитии. Мужчина и ребенок ориентированы на перемены, поиск нового, развитие и обновление. Именно эти свойства должны быть позитивно эмоционально, нравственно, эстетически, **инновационно** окрашены. О переносе «женского под-

хода» на сферу, где более подходящей является Мужская (интеллигентная) логика, говорит следующая особенность японской лирики: «Горесть жизни ощущается благодаря тому, что всякая радость, да и все в мире, преходяще»; об этом говорит образ струй реки Ёсино: сейчас они текут здесь, перед глазами; один миг – и они скрылись в далеких горах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.